Александр Татун

Кровь помнит

Вера — генетический доктор.
Она собирает чужие семьи по фрагментам ДНК,
а свою старается не трогать.

Александр Татун
Кровь помнит

https://litres.ru/74731112
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера — генетический доктор. Она собирает чужие семьи по фрагментам ДНК, а свою старается не трогать. Пока однажды контрольный тест не показывает: человек, которого она считала отцом, ей не отец.

Так Вера узнаёт, что её мать всю жизнь скрывала правду. Что когда-то она сбежала от опасного человека, сменила имя и научила дочь одному правилу: молчи, терпи, не спрашивай. А ещё Вера начинает слышать в старой расчёске, на фотографиях, в биологическом материале — эхо женщин своего рода. Тех, кто когда-то стоял перед тем же выбором: терпеть, мстить или уйти.

Одновременно рушится и её собственный брак: муж, оказавшийся чужим человеком, начинает войну за дочь. И Вера понимает, что все предательства в её жизни — звенья одной цепи. Чтобы спасти дочь от повторения семейного сценария, ей придётся выбрать между «простить и промолчать» и «сказать правду и потерять всё».

Содержание

Глава 1. Чужая семья 5
Глава 2. Чек 12
Глава 3. Мать 20
Глава 4. Расчёска 28
Глава 5. М. Радов 37
Глава 6. Дина 45
Глава 7. Слежка 54
Глава 8. Ника 64
Глава 9. Эхо бабушки 75
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Александр Татун
Кровь помнит

Кровь помнит

Глава 1. Чужая семья

Вера всегда говорила клиентам одну и ту же фразу: «ДНК не врёт. Врут люди, которые её интерпретируют». Это была профессиональная шутка, которую никто не считал смешной, и Вера давно перестала ждать реакции. Она надевала очки, поворачивала монитор и начинала объяснять, где в хромосомах прячется правда.

Сегодня правда пряталась в женщине семидесяти двух лет, которая сидела напротив и держала на коленях папку с фотографиями так крепко, будто папка могла выпрыгнуть в окно.

— Значит, он всё-таки мой брат, — сказала клиентка. — Я сорок лет думала, что он мне никто.

Вера кивнула. На экране светились зелёные полосы совпадений — скучный, почти некрасивый график, который для этой женщины означал целую жизнь. Совпадение по материнской линии. Общий предок. Двенадцать процентов. Брат.

— Совпадение достоверное, — сказала Вера. — С вероятностью девяносто девять и девять десятых. Он ваш брат по матери. Если хотите, я подготовлю письмо, которое можно отправить ему через платформу. Или вы можете не отправлять.

— Отправлю, — сказала женщина и заплакала. — Извините. Я не буду.

Она плакала тихо, промокая глаза бумажным платком, и Вера смотрела в сторону, потому что у неё было правило: не смотреть на чужое счастье слишком пристально. Счастье в её кабинете случалось чаще, чем горе, но и то и другое приходило с одинаковым звуком — коротким выдохом, будто человек только что поставил на пол тяжёлый чемодан.

— Вы вернули мне всех, — сказала клиентка, вставая. — Я вас не забуду.

Она оставила на столе коробку конфет. Вера знала, что конфеты она отдаст Илье, Илья отдаст их лаборантке, а лаборантка — кому-нибудь ещё. В лаборатории конфеты ходили по кругу, как слухи.

Когда дверь закрылась, Илья высунулся из-за перегородки.

— Опять плакали?

— Ты циник, — сказала Вера.

— Я реалист. Ты ей что, правда сказала «девяносто девять и девять десятых»? Можно было просто сказать «он ваш брат».

— Нельзя. Люди должны понимать, что вероятность — это не волшебство.

Илья фыркнул и ушёл к себе. Он был хороший мальчик, двадцать девять лет, в худи под халатом, с вечным стаканчиком кофе, который он ставил на подоконник, потому что на столы в лаборатории ставить нельзя. Он проверял данные по три раза и боялся ошибок больше, чем начальства. Вера

иногда думала, что если бы ей в тридцать было столько осторожности, она бы, наверное, прожила другую жизнь.

Она посмотрела на часы. Половина шестого. Дома её ждал Сергей с бутылкой вина и годовщиной.

Годовщина была двенадцатая. Сергей любил круглые даты и не любил, когда о них забывали, поэтому Вера помнила о них так же твёрдо, как о днях рождения коллег: не потому, что важно, а потому, что иначе будет хуже.

Она купила торт в кондитерской у метро — тот самый, с вишней, который он любил в двадцать пять. Тогда они жили в съёмной квартире с обоями в цветочек, и он приносил ей эти же торты по пятницам, и она думала, что пятница — это и есть счастье.

Дома пахло ужином. Сергей стоял у плиты в фартуке, который надевал примерно раз в год, и улыбался так широко, что Вера почувствовала укол совести за то, что весь день думала о чужой семье, а не о своей.

— Ты опять на работе задержалась, — сказал он. — Я уже начал ревновать к твоим хромосомам.

— Я тебя тоже люблю, — сказала Вера.

Ника вышла из своей комнаты, наряженная в платье, которое обычно носила только на праздники, и поцеловала отца в щёку. Потом посмотрела на Веру — быстро, оценивающе, как смотрят дети, когда проверяют, всё ли в порядке у взрослых.

— Мам, ты устала?

— Немного. Всё хорошо.

— Ты просто лицом как будто где-то ещё.

Вера улыбнулась и сказала, что это отличный ужин и что она очень рада. Ника кивнула, но взгляд у неё остался взрослый, недоверчивый, будто она уже знала, что «всё хорошо» — это фраза, которой взрослые закрывают двери.

За ужином Сергей рассказывал про работу, про нового клиента, про то, как трудно сейчас с подрядчиками. Вера слушала и кивала в нужных местах. Телефон у него зажужжал — он посмотрел на экран, нажал «отклонить» и положил телефон экраном вниз.

— Кто это? — спросила Вера.

— Спам. Надоели.

Она не стала спрашивать. У неё была привычка не спрашивать — выработанная годами, отполированная до блеска. Спрашивать означало получить ответ, а ответ иногда означал, что придётся что-то делать. Вера давно решила, что не всякая правда стоит того, чтобы её доставать.

Позже, когда Сергей пошёл курить на балкон, а Ника ушла делать уроки, Вера мыла посуду и думала о клиентке. Сорок лет женщина считала, что у неё нет брата. Сорок лет она жила с дырой в семейной истории, аккуратно заклеенной чужими словами. И стоило сдать слюну в пробирку — и дыра открылась.

Вера вытерла руки и вышла в коридор. В шкафу, на верхней полке, за старыми свитерами, лежала коробка из-под

обуви с надписью «Документы отца». Она поставила её туда через месяц после похорон Петра и с тех пор ни разу не открывала.

Она достала коробку и села с ней на пол в коридоре.

Внутри были бумаги: свидетельство о смерти, какие-то квитанции, фотография мужчины в очках с собакой, сложенная пополам. Вера развернула фотографию. Пётр смотрел на неё с той же добродушной растерянностью, с какой всегда смотрел при жизни, будто извинялся за то, что не может быть полезнее.

Она хотела уже закрыть коробку, когда зазвонил телефон. На экране светилось «Мама».

— Вера, — сказала мать, и Вера сразу поняла, что что-то не так, потому что мать никогда не начинала разговор с её имени. — Ты сегодня дома?

— Дома. У нас годовщина.

— Хорошо. — Пауза. — Я просто хотела сказать, чтобы ты не трогала прошлое.

— Какое прошлое?

— Никакое. — Голос матери стал твёрже. — Просто не трогай. У тебя своя жизнь, у меня своя. Не надо ничего раскапывать.

— Мам, ты о чём?

— Я о том, что ты вечно лезешь туда, куда не просят. — Мать говорила быстро, будто боялась, что если остановится, то скажет лишнее. — Ты генетик, ты ищешь родственников

чужим людям. Чужим, понимаешь? Не своим.

Вера посмотрела на фотографию Петра в своей руке. Он был большой, спокойный, в очках. Он никогда не кричал. Он чинил всё в доме, даже то, что не нужно было чинить, и записывал расходы в блокнот, и умер тихо, во сне, когда Вере было двадцать шесть.

— Мама, — сказала Вера медленно. — Почему ты говоришь это сейчас?

На другом конце провода была тишина. Долгая, неудобная, как застрявший в горле кусок.

— Потому что я чувствую, — сказала наконец мать. — Я всегда чувствую, когда ты собираешься что-то сделать.

Она положила трубку раньше, чем Вера успела ответить.

Вера сидела на полу в коридоре, держа фотографию отца и слушая, как в ванной шумит вода, как Ника в своей комнате включает музыку, как Сергей на балконе говорит по телефону — тихо, быстро, прикрывая рот рукой.

Она впервые за много лет прислушалась к этому разговору.

И впервые за много лет ей показалось, что она слышит не своего мужа, а чужого человека.

Она закрыла коробку, но не убрала её обратно в шкаф. Поставила на тумбочку в спальне, рядом с кроватью. Сергей, когда вернётся, спросит, что это. Она скажет: старые бумаги. Он кивнёт и не откроет.

А она откроет.

Ночью Вера не спала. Она лежала в темноте и слушала дыхание мужа — ровное, спокойное, как у человека, которому нечего скрывать. Потом встала, прошла в кухню, налила воду и села у окна.

Во дворе горел один фонарь. Под ним стояла машина, которую она раньше не видела. Тёмная, припаркованная неправильно, поперёк двух мест.

Вера смотрела на неё минут десять. Машина не двигалась. Потом водительская дверь открылась, кто-то вышел, посмотрел на её окна — и сел обратно.

Она не испугалась. Испугалась бы раньше, до того, как клиентка заплакала у неё в кабинете, до того, как мать позвонила и сказала «не трогай прошлое». Сейчас Вера почему-то почувствовала не страх, а что-то похожее на облегчение. Будто она давно ждала, что кто-нибудь придёт и скажет: то, что ты считаешь своей жизнью, — это не вся правда.

Она вернулась в спальню. Сергей спал на боку, отвернувшись, и его телефон лежал на тумбочке экраном вниз. Вера постояла над ним, потом взяла коробку с документами отца и унесла её в свою лабораторию — в сумке, под пальто, как воруют чужие тайны.

Утром она сдаст свой собственный тест. Просто контрольный. Просто чтобы убедиться, что аппаратура работает правильно.

Она ещё не знала, что аппаратура работает правильно.

Но она уже догадывалась.

Глава 2. Чек

Сергей ушёл в семь. Вера слышала всё: душ, шкаф, звяканье ключей, щелчок замка. Он старался не шуметь — и именно эта старательность её разбудила. Люди, которым нечего скрывать, не ходят по собственной квартире на цыпочках.

Она лежала с закрытыми глазами, пока не хлопнула входная дверь. Потом встала.

В прихожей висела его куртка — серая, та, которую он надевал «на выход». Забыл. Или оставил сушиться. Вера не знала, зачем ей это знать, но всё равно подошла и сунула руку в карман.

Пальцы нащупали бумажку. Чек.

Она развернула его под лампой. Магазин детских товаров, три квартала от их дома. Время — вчера, восемнадцать сорок. Пока она заканчивала с клиенткой, пока ехала через город с тортом на коленях, пока думала, что пятница — это и есть счастье, Сергей покупал что-то детское.

Вера посмотрела на список. Конструктор. Футболка, размер сто двадцать два. Набор наклеек.

Нике сто двадцать два было два года назад.

Она стояла в прихожей с чеком в руке и слушала, как в голове включается голос, который она знала слишком хорошо. Голос говорил спокойно и разумно: мало ли. Коллега по-

просил купить подарок. Племянник. Сын друга. Ты же не хочешь быть женщиной, которая устраивает скандал из-за бумажки.

Вера смяла чек и бросила в мусорное ведро. Потом достала и разгладила. Потом положила в карман своего халата, который висел рядом.

— Мам?

Ника стояла в дверях кухни, в пижаме, с растрёпанными волосами. Она смотрела на руку Веры, на куртку отца, на ведро.

— Ты что делаешь?

— Искала... — Вера запнулась. — Зарядку.

— Папина куртка, — сказала Ника. Не вопросом. Просто сказала.

— Да. Он забыл.

— Он всегда забывает, — ответила Ника и ушла на кухню.

Вера повесила куртку обратно, ровно, как висела, и пошла варить кофе.

За завтраком Ника ела кашу слишком аккуратно. Держала ложку правильно, не чавкала, вытирала рот салфеткой — всё то, чему Вера её так старательно не учила. И говорила тоже слишком правильно.

— Мам, а папа сегодня придёт поздно?

— Не знаю. Спроси у него.

— Я спросила. Он сказал, что зависит от работы.

— Значит, зависит от работы.

Ника кивнула и посмотрела в тарелку.

— А ты не расстраивайся, — сказала она вдруг. — Если он придёт поздно. Я с тобой посижу.

Вера замерла с чашкой в руке.

— Ника. Тебе двенадцать. Тебе не нужно меня успокаивать.

— Я не успокаиваю. Я просто говорю.

— Ты не должна следить за тем, чтобы я не расстраивалась.

Ника подняла глаза, и в них было что-то такое взрослое и усталое, что Вере стало не по себе.

— А кто должен? — спросила Ника.

Она сказала это без злости. Как спрашивают, зачем нужен зонт, если дождь уже идёт.

Вера не нашла что ответить. Она отвезла дочь в школу, поцеловала в макушку — Ника подставила голову привычно, но не прижалась, — и поехала на работу.

В лаборатории пахло спиртом и старой бумагой. Илья уже был на месте, с кофе и наушником в одном ухе.

— Ты рано, — сказал он.

— Мне нужно прогнать контрольный тест.

— Чей?

Вера помолчала.

— Мой.

Илья вынул наушник.

— В смысле?

— В смысле мой. Хочу проверить аппаратуру на своём материале. Нормальная практика.

— Это нормальная практика, когда аппарат новый, — сказал Илья. — А наш работает три года без сбоев.

— Значит, будет четвёртый.

Он посмотрел на неё внимательно, и Вера поняла, что он видит больше, чем ей хотелось бы. Но Илья был из тех, кто не задаёт лишних вопросов, если ему за это не платят.

— Ладно, — сказал он. — Только подпиши согласие, а то потом начнётся: «Кто разрешил, почему без протокола».

Вера подписала. Взяла ватную палочку, провела по внутренней стороне щеки — привычное, отработанное движение, которое она делала тысячи раз для других людей. Подписала пробирку своим именем и поставила в штатив.

Пальцы не дрожали. Это почему-то показалось ей самым странным.

Пока машина работала, она села за стол и открыла коробку с документами отца. В белой лаборатории старые бумаги выглядели неуместно — как вещи из чужого дома.

Свидетельство о смерти Петра Семёновича. Дата. Причина. Печать.

Вера читала и не понимала, что ищет. Может, подпись матери? Может, что-то, что не сходится? Она не была следователем. Она была генетиком. Её работа — сравнивать фрагменты, а не людей.

Она вспомнила, как Пётр чинил кухонный кран, когда ей

было десять. Он стоял на коленях под раковиной, вокруг валялись инструменты, а он говорил ей через плечо: «Доченька, подай вон тот ключ». Она подавала. Он никогда не сердился, если она путала. Он вообще никогда не сердился. Вера тогда думала, что все отцы такие. Потом выросла и поняла, что почти никто.

Телефон зазвонил. На экране — «Тамара Ивановна».

Свекровь.

— Верочка, здравствуй. Ты не занята?

— Занята. Но говорите.

— Я хотела спросить, как у вас дела. Серёжа говорил, ты в последнее время какая-то... — Пауза, в которой Тамара Ивановна аккуратно подбирала слово. — Задумчивая.

— У меня много работы.

— Работа — это хорошо. — Свекровь вздохнула так, будто работа была болезнью, которую она давно подозревала. — Я просто хочу сказать: мужчина в доме — это опора. Если опора начинает шататься, женщина должна быть умнее. Не надо устраивать сцены из-за мелочей.

— Из-за каких мелочей?

— Из-за любых. — Голос Тамары Ивановны стал мягче и от этого неприятнее. — Я свою жизнь прожила. Знаю: пока женщина молчит, семья стоит.

Вера смотрела на пробирку со своей слюной в штативе.

— А если не мелочь?

— Всё мелочь, Верочка. Кроме детей. Ради детей всё

остальное — мелочь.

Она положила трубку, не попрощавшись. Вера ещё секунду слушала короткие гудки, потом отложила телефон.

Илья подошёл к аппарату, посмотрел на экран и нахмурился.

— Вера.

— Что?

— Иди сюда.

Она подошла. На экране был результат — предварительный, машина ещё досчитывала, но то, что уже виднелось, было достаточно ясным.

— Это твой материал? — спросил Илья.

— Мой.

— Уверена?

— Я сама подписала пробирку. Что там?

Илья отодвинулся, чтобы дать ей место.

— Смотри. Маркеры по отцовской линии... — Он ткнул пальцем. — Не совпадают с тем, что ты вносила в карточку.

Вера смотрела на цифры. Она знала эти цифры лучше многих слов. Видела их тысячи раз для чужих людей.

— Не совпадают, — сказала она.

— Это контрольный тест. Может, ты перепутала карточку? Внесла не тот образец?

— Я не перепутала.

— Тогда...

— Я не перепутала, Илья.

В лаборатории стало очень тихо. За стеной гудел аппарат, который до сих пор работал, досчитывал, довершал то, что уже было ясно.

— Мне нужно посмотреть документы, — сказала Вера. — В архиве.

— Какие документы?

— Материнские.

Илья помолчал.

— Хочешь, я пойду с тобой?

Вера покачала головой. Она взяла телефон, набрала номер матери. Гудок. Второй. Третий. Пятый.

Мать не взяла трубку.

Вера набрала снова. После первого гудка раздался щелчок, и голос матери сказал коротко, будто прочитав по бумажке:

— Удалите данные. Немедленно.

И связь оборвалась.

Вера медленно опустила телефон на стол.

— Что она сказала? — спросил Илья.

Вера смотрела на экран, где зелёные полосы складывались в узор, который она не хотела понимать.

— Она сказала «удалите», — проговорила она. — Она не спросила, что я нашла.

Илья ничего не ответил. Он был хороший мальчик, двадцать девять лет, и он ещё не знал, что в некоторых семьях первая реакция на правду — требование её стереть.

Вера взяла коробку с документами Петра и пошла к выходу.

— Ты куда? — крикнул Илья вслед.

— К матери.

— А работа?

— Работа подождёт.

Она вышла на улицу. Было холодно и ясно, и в этой ясности всё выглядело слишком резким: вывески, лица, машины. Вера шла к метро и думала о мужчине в очках с собакой, который дал ей фамилию и никогда не повышал голос.

Он не был её отцом.

И мать знала это всю жизнь.

Глава 3. Мать

Дом Галины стоял на краю старого района, где пятиэтажки ещё не снесли, но уже обнесли заборами. Вера поднялась на четвёртый этаж пешком — лифт не работал с прошлой зимы, и мать жаловалась на это каждый раз, когда звонила, будто лифт был главной несправедливостью её жизни.

Дверь была обита коричневым дерматином, и замков в ней было три. Вера знала: один верхний, один нижний и один тот, который мать называла «секретным» и запирала даже днём.

Она нажала звонок. За дверью — тишина. Потом шаги, осторожные, будто человек подходил боком, и голос:

— Кто?

— Мама, это я.

Пауза. Долгая, как будто мать решала, открывать ли дочери, которая пришла без предупреждения.

Замки щёлкнули по очереди — сверху вниз, как всегда.

Галина стояла в проёме в домашнем халате, с заколкой в волосах, и лицо у неё было такое, будто она уже знала всё, что Вера собиралась сказать.

— Ты чего приехала? — спросила она. — Работа же.

— Можно войти?

Мать отступила. Вера прошла в коридор, и её сразу обдало знакомым запахом — ваниль, старое дерево, немного ва-

лерьянки. Квартира была маленькая и очень чистая, с плотно задёрнутыми шторами, будто внутри всегда был вечер.

— Ты не одна? — спросила мать, выглядывая на лестницу.

— Одна.

— А Сергей?

— Сергей на работе.

— Хорошо. — Мать закрыла дверь и снова заперла все три замка. — Чаю будешь?

— Не надо чаю.

— Всё равно налью.

Она ушла на кухню, и Вера осталась стоять в коридоре с коробкой в руках. На стене висели фотографии: она в школьной форме, она с Петром на даче, она на выпускном. Петра было много. Настоящего отца — ни одной.

Вера прошла в комнату и села на диван. Мать вернулась с двумя чашками, поставила одну перед дочерью, другую перед собой, села в кресло — спиной к стене, лицом к двери. Так она садилась всегда, сколько Вера себя помнила.

— Ну, — сказала мать. — Говори.

Вера положила коробку на колени и открыла её. Достала распечатку — лист с зелёными и красными полосами, который ещё утром был просто контрольным тестом.

— Это мой результат, — сказала она. — Я прогнала свой материал. Отцовская линия не совпадает с Петром Семёновичем.

Мать посмотрела на лист. Не взяла его. Просто посмотрела, как смотрят на счёт за электричество.

— И что?

— И то, что Пётр мне не отец. Биологически.

— Ну и что?

Вера ждала другого. Крика, слёз, объяснений. Мать сидела ровно и держала чашку двумя руками.

— Мама. Ты понимаешь, что я говорю?

— Понимаю. — Галина поставила чашку. — Ты говоришь, что нашла в бумажках то, что тебе не нужно.

— Мне не нужно?

— Не нужно, — повторила мать твёрдо. — Удали данные. Я тебе ещё по телефону сказала. Удали, и забудем.

Вера смотрела на неё и не узнавала. Она ждала, что мать заплачет, начнёт объяснять, скажет, что хотела как лучше. Но Галина сидела прямая, с плотно сжатыми губами, и в её глазах не было горя. Был страх. Тот самый, который Вера услышала в телефоне вчера вечером, но не смогла назвать.

— Я не удалю, — сказала Вера.

Мать вздрогнула. Пальцы, державшие чашку, побелели.

— Удали.

— Нет.

— Вера. — Голос матери поднялся впервые за много лет. — Ты не понимаешь, что делаешь.

— Тогда объясни.

— Нечего объяснять! — Галина поставила чашку так рез-

ко, что чай плеснул на блюдце. — Я тебя вырастила. Я тебе дала фамилию. Я тебя спасла, а ты лезешь в то, что тебя не касается.

— Меня не касается мой отец?

— У тебя был отец! — Мать ударила ладонью по подлокотнику. — Пётр был твой отец. Он тебя кормил, он тебя в школу водил, он тебе кран чинил, когда ты была маленькая. Он умер за тебя, если хочешь знать. А ты теперь сидишь и говоришь мне, что он тебе не отец, потому что какая-то машина в пробирке написала другие цифры.

Вера молчала. В комнате стало тихо, только часы на стене тикали громко, как будто специально.

— Я не говорю, что он мне не отец, — сказала она наконец. — Я говорю, что он мне не биологический отец. Это разные вещи.

— Одна ерунда, — отрезала мать. — Ты его любила?

— Любила.

— И он тебя любил. Всё. Точка.

— Мама, — Вера наклонилась вперёд. — Кто мой биологический отец?

Галина отвернулась. Посмотрела на шторы, на окно, за которым ничего не было видно.

— Никто.

— Так не бывает.

— Бывает, — сказала мать. — Был человек. Ушёл. Не важно.

— Как его зовут?

— Не помню.

— Ты не помнишь имя человека, от которого родила ребёнка?

Мать резко повернулась.

— Я сказала — не помню. И не спрашивай больше.

Вера смотрела на неё и видела: врёт. Не потому, что забыла. Потому, что помнит слишком хорошо.

Она достала из коробки старую фотографию — ту, что нашла вчера. Пётр с собакой, в очках, улыбается.

— Я не против Петра, — сказала она тихо. — Я его люблю. Я просто хочу знать, кто ещё есть в моей крови. У меня могут быть братья, сёстры. Могут быть родственники, которые даже не знают, что я существую.

— Нет у тебя никого, — сказала мать слишком быстро. — И не надо.

— Откуда ты знаешь?

Галина открыла рот и закрыла. И вот тогда Вера впервые увидела, как у матери дрожат руки.

— Мама. — Вера отложила фотографию. — Ты его боишься.

— Никого я не боюсь.

— Боишься. Ты заперла три замка, когда я вошла. Ты сидишь спиной к стене. Ты не открываешь шторы. Ты сказала по телефону «удалите» раньше, чем я объяснила, что нашла.

— Это привычка.

— Привычка — это когда ты не помнишь, почему так делаешь. Ты помнишь.

Мать встала. Прошлась по комнате, поправила скатерть, поправила занавеску, поправила фотографию на стене, хотя та висела ровно.

— Ты не понимаешь, — сказала она в стену. — Ты думаешь, правда — это всегда хорошо. Ты думаешь, если найти человека, то будет лучше. А иногда лучше не находить.

— Кто он?

— Никто.

— Мама.

Галина обернулась. Лицо у неё было мокрое, и Вера не сразу поняла, что она плачет, потому что мать плакала беззвучно, без всхлипов, только слёзы текли и текли.

— Я тебя увезла, — сказала она. — Я тебя увезла, когда тебе был год. Я сменила фамилию. Я сменила город. Я вышла за Петра, чтобы у тебя был отец. Я всё сделала, чтобы ты жила нормально. А ты пришла и хочешь всё это разобрать.

— Я не хочу разбирать.

— Хочешь. Ты уже разобрала. — Мать вытерла лицо ладонью. — Ты знаешь, что такое жить и всё время ждать, что он придёт? Ты знаешь, что такое проверять замки каждый вечер? Ты знаешь, что такое не пускать дочь одну во двор?

Вера смотрела на неё.

— Так его зовут... — начала она.

— Не надо, — сказала мать. — Не произноси.

Она подошла к столу и взяла свою чашку. Руки у неё дрожали так, что чай выплёскивался на скатерть.

— Если ты не удалишь данные, — сказала она тихо, — он тебя найдёт.

— Как?

— Через эти ваши базы. Через тесты. — Мать посмотрела на неё. — Ты думаешь, ты одна такая умная? Он тоже умеет искать. Он всю жизнь умел искать.

Вера откинулась на спинку дивана. В голове было пусто и гулко.

— Он жив?

Мать не ответила.

— Мама. Он жив?

— Я не знаю, — сказала Галина. — Я двадцать лет не знаю. И не хочу знать.

Она поставила чашку и вышла из комнаты. Вера слышала, как она открывает шкаф в коридоре, как что-то ищет, как шуршит.

Вернулась она с расчёской. Старой, деревянной, с редкими зубьями, которую Вера помнила с детства. Мать положила её на стол перед дочерью.

— На, — сказала она. — Возьми. Ты же за этим пришла.

Вера посмотрела на расчёску. Потом на мать.

— Зачем?

— Ты генетик. — Галина усмехнулась, и это было хуже слёз. — Тебе нужен материал. Волосы. Бери. Только потом

не говори, что я тебя не предупреждала.

Она развернулась и ушла на кухню. Загремела посудой — громко, слишком громко, будто хотела заглушить то, что только что сказала.

Вера осталась одна в комнате с расчёской на столе. За окном плотно задёрнутые шторы не пропускали ни света, ни улицы. Часы тикали. В кухне гремела вода.

Она протянула руку и взяла расчёску.

Пальцы коснулись дерева, и на мгновение — только на одно мгновение — ей показалось, что в комнате стало холоднее. Потом всё прошло.

Вера положила расчёску в пакет, пакет — в сумку. Встала.

— Я пойду, — сказала она в сторону кухни.

Мать не ответила.

— Мама.

Вода перестала шуметь.

— Иди, — сказала Галина из кухни. — И подумай, что ты делаешь. Пока есть время.

Вера вышла на лестницу. Дверь за ней закрылась, и замки щёлкнули снова — один, второй, третий.

Она спустилась пешком, вышла на улицу и только там поняла, что руки у неё трясутся.

Глава 4. Расчёска

В лаборатории было темно, только аппарат мигал зелёным в углу, как ночник. Вера включила свет, и белые столы на секунду показались ей чужими, будто она вошла не в свой кабинет, а в декорацию.

Расчёска лежала в пакете на столе. Деревянная, тёмная от времени, с двумя застрявшими волосками — седыми у корня, темнее к концу.

Вера надела перчатки. Работала медленно, как учили: пинцет, пробирка, реагент. Руки делали привычное, а голова в это время считала: если мать сменила документы, значит, у неё был план. Значит, она готовилась. Значит, человек, от которого она бежала, был не просто неприятным эпизодом в биографии.

Волоски опустились в раствор. Вера закрыла пробирку, подписала и поставила в штатив рядом со своим образцом. Два материала — её и матери. Если всё сходится, машина подтвердит родство. Если нет — у неё будет другая проблема.

Она села на стул и стала ждать.

Ждать Вера не умела. В институте она сдавала экзамены первыми, чтобы не томиться в очереди, а в жизни всегда выбирала самое короткое метро, даже если оно шло с двумя пересадками. Ожидание было для неё формой бездействия,

а бездействие она путала с беспомощностью.

Она достала телефон. Ни одного сообщения от Сергея. Утром он ушёл, не спросив, почему она вчера так долго сидела в коридоре с коробкой. Он вообще ничего не спрашивал последние месяца два — и раньше Вера считала это деликатностью.

Теперь она открыла переписку и пролистала вверх. «Буду поздно». «Не жди». «Купи хлеб». Ровные, короткие строки, как отчёты. Ни одной опечатки — Сергей всегда писал грамотно, даже на бегу. Вера усмехнулась: человек, который изменяет, должен быть аккуратен в мелочах. Или это она так думает, потому что уже решила, что он изменяет?

Машина пикнула.

Вера подошла к экрану, и сердце у неё стукнуло где-то в горле — не от результата, а от того, как быстро он появился. Родство подтверждалось. Мать. Материнская линия. Всё сходилось, как и должно было.

Она уже собиралась распечатать, когда заметила в углу экрана ещё одну строку. Не результат. Уведомление. Система пометила образец как «смешанный след» — в волосах был не только материал Галины.

Вера нахмурилась. Такое бывало: человек пользовался чужой расчёской, спал на чужой подушке, держал в руках чужую вещь. Машина видела примесь и честно об этом сообщала.

Она нажала «подробнее».

Экран мигнул. И на секунду — короткую, как вдох — Вера увидела не цифры, а комнату.

Не свою лабораторию. Другую. Маленькую, с выцветшими обоями и железной кроватью. Окно открыто, за ним темно. На полу — раскрытый чемодан, и женщина в халате, молодая, с тёмными волосами, сгребает в него вещи: детские распашонки, сложенную бумагу, что-то ещё, что Вера не успела разглядеть.

Женщина обернулась. Это была мать. Молодая, лет двадцати пяти, с тем же упрямым подбородком и теми же глазами, только без страха — с чем-то более острым. С яростью.

— Тихо, — сказала она кому-то за кадром. — Тихо, доченька.

Из коридора донёсся голос. Мужской. Спокойный, почти ласковый.

— Галя. Открой.

Женщина замерла. Рука с детской распашонкой поднялась и опустилась. Она смотрела на дверь, и в её лице было столько всего сразу, что Вера не смогла бы назвать это одним словом: страх, ненависть, расчёт, усталость.

— Галя. — Голос за дверью стал мягче. — Ну что ты как маленькая. Открой, поговорим.

Женщина — мать — закрыла чемодан. Медленно, беззвучно, прижимая крышку ладонью, чтобы не щёлкнул замок.

— Я не буду с тобой говорить, — сказала она в дверь.

Голос у неё не дрожал.

Пауза. Долгая. Вера слышала, как в этой чужой комнате тикают часы — точно так же, как в квартире матери сейчас.

— Хорошо, — сказал мужчина. — Я подожду.

Шаги. Удаляющиеся, спокойные. Он уходил не как проигравший. Он уходил как человек, у которого есть время.

Мать обернулась к окну. Подхватила чемодан одной рукой, другой — что-то маленькое, завёрнутое в одеяло. И шагнула к подоконнику.

Вера хотела крикнуть, что это четвёртый этаж, что нельзя, что разобьётся. Но она была не в комнате. Она была в лаборатории, перед экраном, и её никто не слышал.

Мать села на подоконник, свесила ноги. За окном была пожарная лестница — ржавая, узкая, приваренная к стене. Она, видимо, знала о ней заранее. Она всё продумала.

И тут изображение погасло.

Вера стояла, держась за край стола. В ушах звенело. За окном лаборатории была самая обычная улица — машины, прохожие, женщина с собакой.

Она села на стул. Медленно, как старая.

Руки у неё были холодные. Она посмотрела на них — целые, нормальные, с коротко подстриженными ногтями. Никаких следов того, что она только что была в чужой комнате. Никаких доказательств, что это было.

Вера закрыла глаза. Открыла.

Экран показывал обычный результат. «Смешанный след.

Примесь не идентифицирована».

Она сидела так, наверное, минуту. Потом встала, подошла к раковине и умылась холодной водой. Вода текла по лицу, за воротник, и это было единственное, что казалось настоящим.

Галлюцинация. Переутомление. Два дня без сна, стресс, генетический материал матери — всё вместе. Мозг дорисовал то, чего не было.

Но она знала, что это не так. Она работала с ДНК двенадцать лет и ни разу не видела снов наяву над пробиркой.

Вера вернулась к столу. Села. Взяла расчёску и посмотрела на неё — на дерево, на зубья, на два волоска, которые остались в пакете.

«Ты же за этим пришла», — сказала мать. Как будто знала. Как будто хотела, чтобы Вера увидела именно это.

Или как будто проверяла, что Вера увидит.

Зазвонил телефон. Вера вздрогнула так, что чуть не выронила расчёску.

— Вера? — Илья. — Ты чего там? Я на улице, вижу, у тебя свет горит.

— Всё нормально.

— Ты в двенадцать ночи в лаборатории. Это не нормально.

— Мне нужно было закончить.

Пауза. Вера слышала, как он дышит.

— Я поднимусь, — сказал Илья.

— Не надо.

— Я поднимусь.

Он вошёл через три минуты. В куртке поверх худи, с тем самым стаканчиком кофе, который, наверное, держал в руке всю дорогу от метро. Посмотрел на неё, на расчёску, на экран. Ничего не спросил.

— Тебе надо домой, — сказал он.

— Мне надо понять, что происходит.

— Ты понимаешь.

Вера подняла на него глаза.

— Илья. Ты когда-нибудь видел такое? — Она ткнула в экран. — «Смешанный след». Это же нормально, да? Такое бывает?

— Бывает. — Он подошёл ближе, всмотрелся. — Примесь не идентифицирована. Может быть, чужой волос прилип. Может, расчёску кто-то брал.

— Расчёску я взяла у матери. Она хранит её двадцать лет.

Илья помолчал.

— Вера. Ты пугаешь меня.

— Я себя тоже.

Он сел рядом, на второй стул. Поставил кофе, который уже остыл. Некоторое время они сидели в тишине, и эта тишина была лучше любых слов.

— Ты знаешь, что самое паршивое? — сказала наконец Вера. — Что я всегда считала мать трусихой. Она не ездила в отпуск, не ходила в гости, не открывала дверь незнакомым.

Я думала, она просто тревожная. А сегодня я поняла: она не тревожная. Она была осторожная.

Илья смотрел на неё.

— Он её бил?

— Не знаю. — Вера покачала головой. — Он говорил с ней так, будто она обязана ему ответить. Будто дверь — это формальность.

— Вера.

— Что?

— Ты сейчас говоришь так, будто видела его.

Вера не ответила. Она смотрела на расчёску, и в голове у неё было два варианта. Первый: она сходит с ума, и всё, что нужно, — это поспать. Второй: с ней всё в порядке, а вот мир — нет.

Она выбрала третий: отложить решение.

— Мне нужен перерыв, — сказала она. — Я пойду домой.

Илья кивнул и встал. Он не поверил ей, это было видно. Но он был из тех, кто даёт человеку право соврать.

Уже в дверях он спросил:

— А с Сергеем у тебя как?

Вера обернулась.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты три дня ходишь как на похороны. — Он пожал плечами. — И потому что он мне никогда не нравился.

— Ты мне тоже не нравился, когда пришёл.

— Я знаю. — Илья улыбнулся, коротко, без веселья. — Но я хотя бы не вру.

Он вышел. Вера осталась одна.

Она выключила аппарат, собрала пакеты, закрыла пробирки в холодильник. Всё, как всегда, по протоколу. Руки работали, голова — нет.

На улице было пусто и холодно. Вера шла к машине и думала о мужчине за дверью. «Галя. Открой». Спокойный. Уверенный. Он не стучал, не ломился — он ждал. Так ждут не чужого человека, а свою вещь, которую кто-то унёс.

Она села в машину и не сразу завела двигатель. Достала телефон, открыла базу — ту самую, закрытую, где регистрируются люди в поисках родственников.

Ввела свои данные.

Система задумалась. Потом выдала совпадение.

Одно. Близкое. Мужская линия.

«М. Радов».

Вера смотрела на буквы и чувствовала, как в груди что-то медленно опускается, как лифт, у которого обрезали трос.

Она закрыла приложение. Отложила телефон. Завела машину.

Дома она поднимется на этаж, откроет дверь своим ключом и увидит, что Сергей уже спит. Или не спит — сидит на кухне с телефоном. Она скажет: «Привет». Он скажет: «Ты поздно». Она скажет: «Работа».

И это будет та же ложь, которую она слышала от мате-

ри всю жизнь: всё хорошо, ничего не происходит, не трогай прошлое.

Только теперь Вера знала: за каждой такой фразой кто-то стоит за дверью и ждёт.

Глава 5. М. Радов

Утром Вера пришла в лабораторию раньше всех и первым делом закрыла дверь кабинета. Илья появился через двадцать минут, с кофе и сонным лицом.

— Ты чего такая? — спросил он с порога.

Вера развернула к нему монитор. На экране светилось одно имя.

— Мне нужно, чтобы ты проверил это. Не по генеалогическим базам. По всем остальным.

Илья поставил кофе и придвинул стул. Он не спросил, зачем. Просто сел и начал работать — быстро, уверенно, как человек, который привык копать глубже, чем разрешено инструкцией.

Через сорок минут он откинулся на спинку.

— Ну, — сказал он. — У тебя есть родственник.

— Какой?

— Марк Аркадьевич Радов, шестьдесят семь лет. — Илья пролистал страницу. — Три судимости. Одна — по молодости, драка в ресторане. Вторая — угрозы, вымогательство. Третья — похищение человека.

Вера почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Похищение?

— Не подтверждённое. Обвинение было, дело развалилось. — Илья постучал пальцем по экрану. — Но потер-

певшая — женщина. Сожительница. Она забрала ребёнка и уехала, он нашёл её через полгода, удерживал в квартире двое суток. Она сняла заявление.

— Почему?

— А ты как думаешь? — Илья посмотрел на неё. — Потому что он объяснил ей, что будет, если она не снимет.

Вера молчала. В голове снова, как вчера, всплыла та комната с выцветшими обоями. «Галя. Открой». Спокойный голос. Человек, у которого есть время.

— Когда он вышел?

— Полтора года назад. — Илья прокрутил страницу. — Освободился условно-досрочно. Дальше не пишут, где живёт.

Вера смотрела на фотографию в углу страницы. Седой мужчина, подтянутый, в простой рубашке. Глаза светлые, взгляд прямой. На фото он не улыбался, но и не хмурился. Просто смотрел, как смотрят на что-то, что принадлежит им по праву.

— Это он, — сказала Вера.

— Ты его знаешь?

— Я его никогда не видела.

— Тогда откуда...

— Ты видишь лицо? — Вера ткнула в экран. — Смотри. Он не злой. Он спокойный. Он всегда спокойный, потому что уверен, что всё равно добьётся своего.

Илья отвёл глаза.

— Вера. Если это твой биологический отец, тебе нужно идти в полицию.

— С чем? С тем, что я нашла совпадение в базе? Полиция скажет: «Гражданка, это не преступление — хотеть познакомиться с дочерью».

— А то, что он сидел за похищение?

— Отсидел. Условно-досрочно. Формально он чист.

Илья поморщился. Он был хороший мальчик, двадцать девять лет, и ещё верил, что система работает по правилам. Вера уже нет.

Она взяла телефон. Набрала мать. На этот раз гудки шли долго, и Вера уже решила, что трубку не возьмут, когда в динамике раздался голос:

— Чего тебе?

— Я нашла его. Марк Радов.

Тишина. Такая долгая, что Вера услышала, как на другом конце провода тикают часы.

— Ты его не нашла, — сказала наконец мать. — Ты его вызвала. Я тебе говорила.

— Ты знала, что он сидел?

— Знала.

— Ты знала, что он похищал женщину?

— Знала. — Голос матери стал глуше. — Он её не похищал. Он её вернул. Она была его жена.

— Мама, он держал её в квартире двое суток.

— Она сама виновата. Не надо было...

Мать замолчала. Вера слышала, как она дышит — тяжело, с присвистом.

— Что «не надо было»? — спросила Вера тихо.

— Ничего. — Мать откашлялась. — Я тебе сказала: не трогай. Ты не послушала. Теперь не жалуйся.

— Мама. — Вера сжала телефон. — Ты его боишься до сих пор. Ты не открываешь шторы. Ты держишь три замка. Ты не ездишь в отпуск. Это не жизнь. Это осада.

— Это жизнь, — отрезала мать. — И она моя. Я тебя не просила её оценивать.

Она положила трубку. Вера медленно опустила телефон на стол.

— Она его защищает, — сказала она.

— Или боится, — ответил Илья.

— Это одно и то же.

Он не стал спорить.

Домой Вера приехала в семь. Сергей был на кухне, с телефоном в руке, и когда она вошла, он быстро положил его экраном вниз.

— Привет, — сказал он. — Ты сегодня рано.

— Да. — Вера поставила сумку. — А ты дома.

— Решил не задерживаться. — Он улыбнулся. — Устал.

Вера прошла к холодильнику, достала воду. Спиной чувствовала его взгляд.

— Сергей.

— М?

— Ты вчера покупал конструктор?

Пауза. Короткая, но Вера её услышала.

— Какой конструктор?

— В детском магазине. На чеке, который был в твоей куртке.

Он повернулся к ней. Лицо у него было спокойное, даже немного удивлённое — так удивляются люди, которых застали врасплох и которые уже придумали объяснение.

— А, это. — Он махнул рукой. — Коллеге. У него сын, день рождения. Он попросил купить по пути, а я забыл отдать. Вот, лежит в машине.

Вера смотрела на него.

— Ты никогда не покупаешь подарки коллегам.

— Раньше не покупал. — Он усмехнулся. — Люди меняются.

— Люди меняются, — согласилась Вера. — Или врут.

Сергей перестал улыбаться. Не резко, а медленно, как будто стянул с лица маску и положил рядом.

— Вера. Что происходит?

— Я хотела бы знать.

— Ты в последние дни сама не своя. — Он подошёл ближе. — Может, тебе отдохнуть? Взять отпуск? Я могу договориться, чтобы ты побыла дома.

— Дома.

— Да. Отдохнёшь, подумаешь.

Вера смотрела на него и понимала: он не спрашивает, что

с ней. Он предлагает ей замолчать. Убрать её из лаборатории, из базы, от чужих семей, где она каждый день находит правду.

— Я не устала, — сказала она.

— Всем кажется, что они не устали.

— Сергей. — Она поставила бутылку. — Ты мне изменяешь?

Тишина. Он не отшатнулся, не покраснел, не начал кричать. Он посмотрел на неё внимательно, как врач на пациента, который сказал что-то странное.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Вера. — Он взял её за руку. — Ты себя накрутила. У тебя стресс, ты копаешься в этих бумажках, в материнских тайнах. Тебе кажется то, чего нет.

— Я не спросила, кажется мне или нет. Я спросила, изменяешь ли ты.

Он отпустил её руку.

— Я не буду отвечать на это.

— Почему?

— Потому что это унизительно. — Он сделал шаг назад. — Я двенадцать лет рядом. Я тебя обеспечиваю. Я терплю твою работу, твои задержки, твои настроения. А ты спрашиваешь меня, как какого-то...

Он не договорил. Просто махнул рукой и ушёл в комнату.

Вера осталась стоять на кухне. Рука, которую он держал,

была холодная.

Она поняла, что он не ответил. Ни «нет», ни «да». Только обвинил её в том, что она спросила.

Ночью Вера лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок. Сергей спал рядом, отвернувшись, ровно и спокойно.

Телефон лежал на тумбочке. Вера взяла его, открыла базу и посмотрела на имя.

«М. Радов».

Она нажала «написать сообщение». Набрала: «Кто вы?» — и стёрла. Набрала: «Не пишите мне» — и стёрла тоже.

Потом закрыла приложение и положила телефон обратно.

Утром, когда она пришла в лабораторию, телефон завибрировал. Незнакомый номер. Смс.

Вера открыла.

«Здравствуй, дочь. Я тебя искал. Не бойся. Я не хочу ничего плохого. Просто хочу поговорить. Я знаю, что ты не виновата. Позвони, когда будешь готова. Я подожду».

Она прочитала три раза. Потом села на стул, потому что ноги стали ватными.

«Я подожду».

Те же слова. То же спокойствие. Человек, у которого есть время.

Вера посмотрела на дверь кабинета. За ней ходили люди, гудел аппарат, Илья наверняка уже пил свой кофе. Обычный день. Нормальная жизнь.

Она взяла телефон и сделала скриншот. Потом отправила

его Борису Львовичу — адвокату, которого ей когда-то рекомендовала Дина, но к которому Вера так и не обратилась.

Через минуту пришёл ответ: «Приезжайте. Сегодня. Возьмите все документы».

Вера набрала матери. Гудок. Второй. Третий.

Мать взяла.

— Он мне написал, — сказала Вера.

Тишина.

— Мама. Ты слышишь?

— Слышу, — сказала мать. Голос у неё был совершенно ровный. — Я же тебе говорила.

И положила трубку.

Вера сидела с телефоном в руке. За окном светило солнце, на улице шли люди, и никто из них не знал, что в маленькой лаборатории на четвёртом этаже только что закончилась одна жизнь и началась другая.

Она открыла базу. Нашла свою запись. Навела курсор на кнопку «удалить».

И не нажала.

Глава 6. Дина

Тёмная машина появилась в зеркале заднего вида на выезде из лабораторного двора и пропала на светофоре. Вера успела заметить только номер — три цифры, которые тут же стёрлись из памяти. Она сказала себе, что это совпадение, что в городе тысячи тёмных машин и что человек, который три дня не спит, видит слежку в каждом отражении.

Но когда она припарковалась у офиса Бориса Львовича, машина снова возникла — на противоположной стороне улицы, слишком далеко, чтобы разглядеть водителя. Мотор не работал. Никто не выходил.

Вера достала телефон и набрала Дину.

— Ты где? — спросила подруга вместо приветствия.

— У адвоката. На Профсоюзной.

— Я в двух кварталах. Морг на ремонте, нас временно пустили в подвал больницы. Зайди, у меня перерыв через двадцать минут.

— Дина, у меня встреча.

— Вот и хорошо. Поговорим до встречи. Тебе нужно поговорить.

Вера посмотрела на тёмную машину. Потом на часы. До приёма у Бориса Львовича оставалось полчаса.

— Хорошо, — сказала она.

Подвал больницы пах формалином и мокрым бетоном.

Дина сидела на стуле у металлического стола, в белом халате поверх свитера, и ела бутерброд с сыром. Рядом стоял термос.

— Садись, — сказала она. — Только не на тот стул, он шатается.

Вера села на шатающийся. Дина откусила бутерброд, прожевала и посмотрела на неё.

— У тебя лицо человека, который нашёл в своей родословной что-то очень плохое.

— Я нашла своего отца.

— И?

— Он сидел за похищение. Угрозы. Вымогательство. Мать от него сбежала, когда мне был год.

Дина перестала жевать. Положила бутерброд на салфетку.

— Марк Радов, — сказала она медленно.

Вера замерла.

— Ты его знаешь?

— Нет. Но я слышала фамилию. — Дина вытерла руки. — У нас в отделе был случай. Лет пять назад. Женщина, которую он держал в квартире. Её привезли к нам. Не насмерть, но близко. Потом она забрала заявление.

— Я знаю.

— Значит, ты знаешь больше меня. — Дина откинулась на спинку. — И что ты собираешься делать?

— Пока не решила. Он мне написал.

— Что написал?

Вера достала телефон, показала скриншот. Дина прочитала медленно, дважды.

— «Я подожду», — повторила она. — Классика.

— Ты говоришь так, будто это норма.

— Это и есть норма. Для таких, как он. — Дина отвинтила крышку термоса, налила чай в крышку. — Они никогда не угрожают прямо. Они ждут. Они знают, что ты сама себя доведёшь быстрее, чем они пальцем пошевелят.

Вера взяла крышку с чаем. Руки всё ещё были холодные.

— Дина. Что мне делать?

— Собрать доказательства и сдать его. — Дина сказала это без паузы, как будто ответ был готов заранее. — Все сообщения. Все звонки. Записать разговор, если он позвонит. Пойти в полицию сейчас, пока он не начал подходить ближе. И не играть в благородство.

— Я и не играю.

— Играешь. — Дина посмотрела на неё. — Ты сидишь тут с чаем и спрашиваешь, что делать. Значит, внутри тебя есть голос, который говорит: «А может, он не такой». Может, он изменился. Может, он хочет просто поговорить.

Вера промолчала.

— Вот, — сказала Дина. — Я угадала.

— А что бы сделала ты?

Дина усмехнулась. Невесело.

— Я бы уже знала, где он живёт. Я бы узнала, кто его родня, кто ему помогает, кто его боится. Я бы нашла женщину,

которая сняла заявление, и поговорила с ней. И я бы сделала так, чтобы он больше никогда не подошёл к моему ребёнку.

— У тебя был такой случай?

— У меня был муж. — Дина отпила чай. — Который считал, что можно жить на две семьи и что я должна быть благодарна за то, что он не ушёл. Я не стала благодарить. Я собрала всё: переписки, счета, свидетелей. Я выиграла суд. Он уехал в другой город без работы и без репутации.

Вера смотрела на неё.

— И?

— И ничего. — Дина пожала плечами. — Я выиграла. Только Костя перестал со мной разговаривать.

Вера не сразу поняла, что она имеет в виду.

— Он же был маленький.

— Ему было десять. Он видел, как я собирала папки. Как я говорила по телефону с адвокатом. Как я радовалась, когда суд вынес решение. — Дина поставила крышку. — Дети не понимают справедливости. Они понимают, что мама улыбается, когда папе плохо.

— Дина...

— Я не жалуюсь. — Она перебила резко, будто отрезала. — Я сделала выбор. Я бы сделала его снова. Но я не буду делать вид, что это было бесплатно.

Вера молчала. В подвале было тихо, только где-то капала вода.

— Поэтому я тебе говорю: собери доказательства, — про-

должила Дина. — Но не думай, что это будет легко. И не думай, что ты выйдешь из этого прежней.

— А если я не хочу воевать?

— Тогда он победит. — Дина посмотрела на неё прямо. — Он не воюет. Он просто ждёт, пока ты устанешь. А ты устанешь, Вера. Ты уже устала.

Дверь открылась, и в подвал вошёл подросток в толстовке с капюшоном. Худой, с наушниками на шее. Он остановился в дверях, увидел Веру и нахмурился.

— Мам. Ты чего не сказала, что у тебя гости?

— Костя. — Дина даже не обернулась. — Поздоровайся.

— Здрасьте. — Он кивнул Вере и прошёл к столу. — Дай бутерброд.

— Возьми сам. И сними капюшон, ты не на улице.

Костя снял капюшон. У него были глаза отца — Вера никогда не видела отца Кости, но почему-то сразу поняла, что глаза от него. Упрямые, внимательные, с какой-то внутренней обидой, которая ещё не нашла слов.

Он сел на шатающийся стул, и Вера автоматически придержала его.

— Спасибо, — сказал Костя. — Он всегда шатается.

— Я знаю.

— Вы мамина подруга? Из лаборатории?

— Да.

— А, — сказал он. — Которая семьи ищет.

— Ищет.

Костя откусил бутерброд и прожевал, глядя в стену.

— И как? Много нашлось?

— Пока мало.

— А зачем? — Он повернулся к ней. — Ну, находите вы людей. Они потом что, живут счастливо?

Вера задумалась.

— Не всегда. Иногда им становится хуже.

— Во-о-от. — Костя кивнул, будто она подтвердила его теорию. — Все думают, что правда — это хорошо. А правда — это просто правда. Она ничего не чинит.

Дина смотрела в сторону, и Вера видела, как у неё напряглась челюсть.

— Костя, — сказала она. — Не надо.

— Что не надо? — Он повернулся к матери. — Я правду говорю. Ты сама всегда говоришь, что надо говорить правду.

— Я не об этом.

— А о чём? — Он отложил бутерброд. — О том, что ты нашла папу и уничтожила? Об этом можно говорить, а мне нельзя?

Дина встала. Медленно, без резкости.

— Костя. Выйди.

— Я ем.

— Выйди, я сказала.

Он посмотрел на неё, потом на Веру, потом снова на мать. Встал, взял бутерброд и пошёл к двери. У порога обернулся.

— Вы всё врёте, — сказал он тихо. — Чтобы не было боль-

но. Только больно всё равно.

Дверь закрылась. Дина села обратно и долго молчала, глядя на термос.

— Он хороший мальчик, — сказала она наконец. — Просто злой.

Вера не знала, что ответить. Она думала о Нике, которая утром слишком аккуратно ела кашу, и о том, как похожи эти двое — дети, которые научились врать, чтобы не расстраивать взрослых.

— Дина, — сказала она. — У тебя есть кто-то в полиции?

Дина подняла голову.

— Есть. Следователь. Наталья Ким. Она вела дело той женщины. — Она помолчала. — Она тогда сказала мне одну вещь. «Такие люди не останавливаются. Они просто меняют жертву».

Вера достала телефон.

— Дай мне её номер.

Дина продиктовала. Вера записала, потом посмотрела на часы.

— Мне надо к адвокату.

— Иди. — Дина налила себе ещё чая. — И Вера.

— Да?

— Не пытайся быть хорошей. В этой истории нет хорошей. Есть только живая и мёртвая.

Борис Львович принял её в кабинете, который больше походил на библиотеку — книжные полки до потолка, мятый

пиджак, блокнот с загнутыми углами. Он слушал молча, не перебивая, и записывал. Когда Вера закончила, он отложил ручку.

— Значит, так, — сказал он. — Первое. Вы не пишете ему. Ни одного слова. Второе. Все сообщения — скриншоты, все звонки — запись. Если он появится рядом с домом или школой — сразу в полицию, заявление, не «поговорить». Третье. Ваш муж.

Вера напряглась.

— Что муж?

— Вы сказали, он спрашивал, что происходит, и предлагал вам отдохнуть. — Борис Львович посмотрел на неё поверх очков. — Если вы будете разводиться, он использует вашу «нестабильность». Психическое состояние — это первое, за что хватаются в суде. Особенно если вы сами начнёте рассказывать про видения.

— Я не собираюсь рассказывать про видения.

— Хорошо. Тогда не рассказывайте никому. Даже мне. — Он сделал пометку. — Что до Радова. Формально он вам никто. Он не воспитывал вас, не платил алименты, не был вписан в свидетельство о рождении. Родство по крови — это не право на общение. Но он будет давить через «я отец».

— И что делать?

— Готовиться. — Борис Львович захлопнул блокнот. — Я могу подать заявление о запрете на приближение, но для этого нужны основания. Угрозы, преследование, что-то, что

суд сочтёт опасным. Пока у вас только сообщение, которое любой адвокат назовёт «желанием познакомиться».

— То есть пока он не сделает что-то серьёзное, я ничего не могу.

— Вы можете зафиксировать всё, что он делает. И быть готовой. — Он помолчал. — Я вам не обещаю, что это будет быстро. Я вам обещаю, что если вы сдадитесь, будет хуже.

Вера вышла на улицу. Тёмная машина стояла на том же месте.

Она достала телефон и набрала номер Натальи Ким. Гудок. Второй.

— Ким, — сказали на другом конце.

— Здравствуйте. Меня зовут Вера. Мне дала ваш номер Дина. Мне нужно с вами поговорить.

Пауза. Потом:

— Приезжайте завтра к десяти. И принесите всё, что у вас есть.

Вера положила трубку. Посмотрела на машину.

И в этот момент окно со стороны водителя опустилось.

Глава 7. Слежка

Стекло опустилось до половины. За рулём сидела женщина — лет сорока, с усталым лицом и собранными наспех волосами, в простой куртке. Она не выглядела ни как угроза, ни как человек, который умеет ждать. Она выглядела так, будто не спала ночь.

— Вы Вера? — спросила она.

Вера отступила на шаг. В кармане лежал телефон, и она нащупала кнопку вызова, не доставая его.

— Кто вы?

— Меня зовут Рита. — Женщина помолчала. — Я жена Сергея.

Вера почувствовала, как земля под ногами стала чуть менее твёрдой. Не потому, что она не ожидала. Потому, что ожидала другого — угрозы, мужчины в чёрном, чего-то простого. А получила женщину, которая смотрела на неё с таким же страхом, с каким, наверное, смотрела она сама.

— У него нет второй жены, — сказала Вера.

— Есть. — Рита не отвела глаз. — Четыре года.

— У вас есть доказательства?

Рита взяла с пассажирского сиденья телефон, разблокировала, повернула экран. На фотографии Сергей сидел на диване с маленьким мальчиком на коленях. Мальчик держал конструктор — тот самый, с чека. Сергей улыбался так, как

улыбался Вере двенадцать лет назад.

Вера смотрела на снимок дольше, чем нужно. Потом кивнула.

— Давайте отойдём, — сказала она. — Здесь не место.

Они сели в кофейне на углу, за столик у окна. Рита взяла чай и не пила. Вера взяла воду и тоже не пила.

— Как вы меня нашли? — спросила Вера.

— Он оставил телефон на столе. Я увидела ваше имя. — Рита сцепила пальцы. — Он говорит о вас.

— Что говорит?

— Что вы больны. Что у вас нервное истощение. Что вы придумываете вещи, которых нет. — Она помолчала. — Что вы можете быть опасны.

Вера усмехнулась. Это вышло сухо и коротко, как кашель.

— Он мне сказал, что вы — коллега, которому он купил конструктор.

— Он мне сказал, что вы — бывшая жена, с которой он разводится. — Рита подняла глаза. — Я думала, что вы знаете. Что это официально. Что вы просто не можете поделить квартиру.

— Мы не разводимся. Мы живём вместе.

Рита откинулась на спинку стула. Лицо у неё стало пустым.

— Значит, он и мне врал.

— И мне.

Они сидели друг напротив друга, две женщины, которых

обманул один человек, и молчали. За окном ехали машины, кто-то смеялся у стойки. Вера думала о том, что где-то здесь, в этом городе, есть ребёнок, которому Сергей приносит конструкторы, и что этот ребёнок, возможно, ждёт его сейчас.

— Сколько ему? — спросила Вера.

— Мише четыре. — Рита сказала это тихо. — Он в садике. Я успею его забрать.

— Успеете?

— В три. Сейчас половина первого. — Рита посмотрела на часы, потом на Веру. — Вы не собираетесь ничего делать?

— Что я должна делать?

— Не знаю. Кричать. Бить меня. — Рита пожала плечами. — Я готовилась.

— К чему?

— К тому, что вы скажете, что я разрушила вашу семью.

Вера смотрела на неё.

— Вы её не разрушили.

— Разрушила. Я знала, что он женат. — Рита сказала это прямо, без оправданий. — Сначала не знала. Потом узнал. И осталась.

— Почему?

— Потому что Миша маленький. Потому что я одна. Потому что он обещал, что всё решит. — Она выдохнула. — Потому что я думала, что если молчать и ждать, то всё образуется.

Вера узнала эти слова. Она слышала их от матери, от све-

крови, от самой себя.

— И что? — спросила она. — Образовалось?

Рита посмотрела на неё и вдруг улыбнулась — криво, без веселья.

— Вы первая, кто спросил.

Они просидели ещё минут двадцать. Рита рассказала про квартиру, которую Сергей снимал «для работы», про деньги, которые он давал и потом забирал, про то, как он исчезал на неделю и возвращался с подарками. Про то, как он говорил, что Вера «не в себе» и что он «не может оставить больного человека».

Вера слушала и чувствовала, как внутри неё что-то выравнивается. Не боль — боль была. Но вместе с ней появилось другое: ясность. Все мелочи, которые она годами объясняла себе, встали на место — как фрагменты ДНК, которые складываются в цепочку и вдруг начинают читаться.

— Он вам когда-нибудь угрожал? — спросила Вера.

— Нет. — Рита помолчала. — Он не угрожает. Он объясняет.

— Что объясняет?

— Что, если я буду плохо себя вести, он уйдёт и Миша останется без отца. — Она смотрела в чашку. — И я знаю, что так и будет. Он умеет уходить так, чтобы человек чувствовал себя виноватым.

Вера достала телефон.

— Можно я сфотографирую?

— Что?

— Фотографию. Доказательство.

Рита колебалась. Потом кивнула и снова повернула экран.

Вера сфотографировала снимок, потом — переписку, которую Рита показала без просьбы. Сообщения, где Сергей называл её «малыш», писал «скоро всё решится» и просил «не звонить, когда я дома».

— У вас это тоже есть? — спросила Рита.

— Нет. У меня нет переписки. Он не пишет.

— Он говорит.

Вера кивнула. Он говорил — и она верила. Годы слов, которые нигде не фиксировались, и попробуй докажи, что они были.

— Рита. — Вера отложила телефон. — Почему вы приехали именно сейчас?

Рита опустила глаза.

— Вчера он не пришёл ночевать. Сказал, что у него дела. Я позвонила — он не взял. Утром я увидела, что он отправлял вам сообщение. — Она помолчала. — Я подумала, что он у вас.

— Он был дома.

— Ага. — Рита кивнула. — Значит, он и от вас уходит. Просто мы этого не видим.

Вера посмотрела в окно. На противоположной стороне улицы стояла её машина, и рядом с ней — тот самый тёмный автомобиль, который теперь был пуст.

— Вы за мной следили?

— Один раз. — Рита не стала отпираться. — Я не знала, как подойти. Думала, вы меня ударите.

— Не ударю.

— Я знаю. Теперь знаю.

Они вышли из кофейни вместе. На улице было холодно, и Рита поёжилась, застёгивая куртку.

— Что вы будете делать? — спросила она.

— Не знаю. — Вера посмотрела на неё. — А вы?

— Заберу Мишу. — Рита помолчала. — Он говорил, что вы хотите забрать у него детей. Что вы мстительная.

— Я не мстительная.

— Теперь вижу.

Они стояли ещё секунду. Потом Рита сказала:

— Если вы будете с ним судиться, я могу дать показания.

Вера удивлённо подняла глаза.

— Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю. — Рита смотрела прямо. — Он и со мной так сделает. Рано или поздно. Он уже начал.

Она пошла к своей машине. Вера смотрела ей вслед и думала о том, что сегодня у неё появился союзник, которого она не искала, — и что этот союзник стоит ей части той жизни, которую она пыталась сохранить.

Домой Вера вернулась в половине третьего. Ники ещё не было — она оставалась на продлёнке по вторникам. Сергей был дома. Сидел на кухне с ноутбуком, в наушниках, и когда

Вера вошла, снял один.

— Ты рано, — сказал он.

— Да.

Она поставила сумку, прошла к холодильнику. Достала воду. Поставила на стол. Села напротив него.

— Сергей. Я знаю про Риту.

Он не дёрнулся. Не побледнел. Посмотрел на неё внимательно, будто проверял, шутка это или нет. Потом медленно снял второй наушник и положил на стол.

— И что?

Вера смотрела на него.

— «И что?»

— Я не буду играть в допрос. — Он говорил спокойно. — Ты пришла с готовым ответом. Значит, тебе не нужна правда. Тебе нужно, чтобы я признался.

— Мне нужно знать, сколько лет ты мне врал.

— А тебе не всё равно? — Он откинулся на спинку. — Ты всё равно уже решила, что я подлец. Так какая разница, четыре года или два?

Вера почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее. Она подавила это. Не сейчас. Не на его условиях.

— Я не решила. Я увидела фотографию.

— И что на ней? Я с ребёнком. Ребёнок не виноват.

— Я не про ребёнка.

— А про что? — Он наклонился вперёд. — Про то, что я не сказал? Я не сказал, потому что знал, что ты не поймёшь.

Ты всегда всё делишь на чёрное и белое. А жизнь серая, Вера.

— Ты предлагал мне отпуск. — Она смотрела на него. — Ты хотел, чтобы я сидела дома.

— Я хотел, чтобы ты отдохнула.

— Ты хотел, чтобы я не копала.

Он помолчал. Потом улыбнулся — коротко, устало, как улыбаются человеку, который не понимает простых вещей.

— А что ты нашла? — спросил он. — Кроме повода для скандала?

Вера не ответила.

— Вот, — сказал Сергей. — Ты ничего не нашла. Ты просто устала. И вместо того, чтобы заняться собой, ты решила заняться мной.

— Не переводи.

— Я не перевожу. — Он встал. — Я тебе скажу одну вещь, Вера. Ты сейчас в таком состоянии, что можешь натворить глупостей. Ты уже начала. — Он кивнул на её сумку. — Ты ходишь по адвокатам. Ты копаешься в материнских бумажках. Ты связалась с каким-то человеком, который тебе пишет. Я всё вижу.

Вера похолодела.

— Ты читаешь мои сообщения?

— Я вижу, что с тобой происходит. — Он подошёл ближе. — И я тебе скажу как муж: остановись. Пока не поздно.

— Пока не поздно для чего?

— Для тебя. Для Ники. — Он помолчал. — Ты думаешь, суд будет на твоей стороне? Ты думаешь, они не спросят, почему мать двоих детей ходит по моргам и слушает рассказы сумасшедших?

Вера встала. Медленно.

— У нас один ребёнок.

Сергей замолчал.

— Один, — повторила Вера. — Ника. Миша — не наш ребёнок. Ты сам так сказал.

Он смотрел на неё и молчал. И в этом молчании было что-то такое, от чего у Веры по спине прошёл холод.

— Ты права, — сказал он наконец. — Один. Я оговорился.

— Ты не оговариваешься.

— Вера. — Он шагнул к ней, и она отступила. — Не начинай.

— Я не начинаю. Я заканчиваю.

Она взяла сумку и вышла из кухни. В коридоре остановилась.

— Я не буду сегодня ночевать дома, — сказала она.

— А Ника?

— Ника останется с тобой. — Вера обернулась. — И если ты хоть словом скажешь ей, что мама больна, я это узнаю.

Сергей смотрел на неё. Лицо у него было спокойное.

— Ты уверена, что хочешь это начать?

— Я уже начала.

Она вышла на лестницу и закрыла за собой дверь. За две-

рью было тихо. Потом щёлкнул замок — не потому, что он запирался от неё. Потому, что он запирался от всего остального.

Вера спустилась на улицу и села в машину. Руки тряслись, и она держала руль, пока не перестали.

Потом достала телефон.

На экране висело новое сообщение. Не от Марка. От Риты.

«Он только что позвонил. Спросил, не говорила ли я с вами. Я сказала нет. Он не поверил».

Вера прочитала и почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — как замок, который наконец встал на место.

Она ответила: «Не говорите ему ничего. Завтра в десять я иду к следователю. Пойдёмте со мной».

Через минуту пришло: «Хорошо».

Вера положила телефон на сиденье. Завела машину. И поехала не домой и не к матери.

Она поехала к школе, где через час должна была закончиться продлёнка.

Глава 8. Ника

Продлёнка заканчивалась в четыре. Вера приехала в половине четвёртого и припарковалась за углом, чтобы Ника не увидела машину из окна и не успела предупредить отца.

Она сидела в салоне и смотрела на школьные ворота. Из динамиков тихо играло радио, но Вера его не слышала. В голове крутилась одна фраза: «Ты нас бросаешь». Он сказал это Нике. Не ей — Нике. Ребёнку. Двенадцатилетнему.

Вера знала, что так делают. Читала в материалах, которые листала ночами, когда не могла уснуть. «Отчуждение родителя». «Манипуляция через ребёнка». «Формирование чувства вины». Сухие термины, за которыми стояли живые дети, которые потом годами ходили к психологам.

В четыре часа из ворот высыпала стайка младших, за ними — те, кто постарше. Ника вышла последней, с рюкзаком на одном плече, в наушниках. Увидела машину, остановилась. Потом пошла медленно, как будто решала, подходить или нет.

Она открыла дверь и села вперёд, рядом с Верой. Не на заднее сиденье, как обычно. Это было уже что-то.

— Ты рано, — сказала Ника.

— Да. — Вера завела машину. — Поедем, посидим где-нибудь.

— Дома?

— Не дома.

Ника посмотрела на неё, но ничего не сказала. Отвернулась к окну.

Они заехали в кафе на набережной, где почти никого не было. Вера взяла кофе, Ника — какао и пирожное, которое обычно ей не разрешали перед ужином. Она удивилась, но не стала спрашивать.

Они сели у окна. За стеклом шла вода, серая и спокойная, и по ней медленно ползла баржа.

— Мам, — сказала Ника, ковыряя ложкой пирожное. — Ты чего?

— Я хочу с тобой поговорить.

— О чём?

— О папе.

Ника перестала ковырять. Положила ложку. И Вера увидела, как у неё напряглись плечи — так напрягаются у детей, которые уже знают, что сейчас будет что-то плохое, и готовятся защищаться.

— Он сказал, что ты нас бросаешь, — сказала Ника.

— Когда он это сказал?

— Вчера. — Она смотрела в чашку. — Когда ты не пришла ночевать.

Вера сжала чашку обеими руками, чтобы не дать им задрожать.

— Ника. Я не бросаю тебя. Никогда.

— А куда ты ушла?

— Я ночевала у Дины.

— Почему?

Вера сделала вдох. Она думала об этом всю дорогу до школы, и всё равно не нашла правильных слов. Наверное, потому что правильных слов не было.

— Потому что мне нужно было побыть одной, — сказала она. — Иногда взрослым нужно побыть одним, чтобы понять, что делать дальше.

— Это из-за меня?

— Нет. — Вера наклонилась вперёд. — Ника, посмотри на меня. Это не из-за тебя. Ты ни в чём не виновата.

Ника посмотрела. Глаза у неё были сухие, и от этого Вере стало ещё хуже.

— Папа сказал, что ты больна.

Вера выпрямилась.

— Что именно он сказал?

— Что у тебя нервное истощение. Что ты придумываешь вещи. — Ника помолчала. — Что ты можешь сделать что-нибудь странное.

— Странное.

— Ага.

Вера откинулась на спинку стула. Внутри было тихо и холодно, как в пустой комнате.

— Ника, — сказала она. — Я не больна. Я устала, это правда. Я много работаю, и в последнее время в моей жизни происходит много всего. Но я не больна.

— А что происходит?

Вера смотрела на дочь. На её лицо — ещё детское, но с уже проступившими взрослыми чертами. На её руки, которые держали чашку так же крепко, как держала сама Вера, когда боялась.

— У папы есть другая семья, — сказала Вера.

Ника не удивилась. Вот что было самым страшным. Она не удивилась — только опустила глаза и кивнула, как будто ждала этих слов давно.

— Ты знала?

— Догадывалась, — сказала Ника тихо. — Он иногда возвращается и пахнет чужими духами.

Вера почувствовала, как у неё перехватило горло.

— Ты знала и ничего не говорила?

— А что я должна была сказать? — Ника подняла глаза. — Ты же сама ничего не говорила.

Это было как пощёчина. Тихая, точная, по самому больному месту.

— Я не знала, — сказала Вера.

— Знала. — Ника смотрела на неё. — Ты просто не хотела знать. Ты всегда так делаешь.

— Как?

— Делаешь вид, что всё хорошо. — Ника отодвинула чашку. — Ты говоришь «всё в порядке», когда не в порядке. Ты улыбаешься, когда злишься. Я это вижу.

Вера молчала. Ребёнок говорил ей то, что она сама боя-

лась сказать себе годами.

— Я не хотела, чтобы ты тоже делала вид, — сказала наконец она.

— Я и не делаю. — Ника пожала плечами. — Я просто не мешаю.

Вера закрыла лицо руками. Так, наверное, нельзя было при ребёнке, но у неё не было сил держаться.

— Мам, — сказала Ника. — Не плачь.

— Я не плачу.

— Плачешь.

Вера отняла руки. Ника смотрела на неё без осуждения, без жалости, просто смотрела — так, как могут смотреть только дети, которые выросли рядом со взрослыми и научились читать их по глазам.

— Ника, — сказала Вера. — Ты знаешь, что такое ДНК?

— Ну. Генетика. Ты же генетик.

— Да. — Вера вытерла глаза салфеткой. — Я недавно узнала, что мой отец, дедушка Пётр, — не мой биологический отец. У меня есть другой. Он мне написал.

Ника замерла.

— Кто он?

— Пока не знаю. Я знаю его имя. Марк Радов.

— Он плохой?

Вера помолчала.

— Да. Он вёл себя плохо. С мамой. С другими людьми.

Ника смотрела на неё.

— А он ко мне придёт?

— Я не знаю. — Вера наклонилась вперёд. — Но я сделаю всё, чтобы он к тебе не подошёл. Понимаешь? Всё.

— А папа?

— Что папа?

— Папа с ним? — Ника смотрела прямо. — Папа знает про него?

Вера задумалась. Она не спрашивала Сергея напрямую. Но он читал её сообщения. Он знал. Он давно знал.

— Я не уверена.

— Но он узнает.

— Узнает.

Ника кивнула. Потом взяла ложку и доела пирожное — спокойно, до конца, как будто ничего не произошло.

— Ника, — сказала Вера. — Я хочу тебя спросить. Только честно.

— Честно.

— Папа просил тебя что-нибудь делать? Следить за мной? Говорить, куда я хожу?

Ника не ответила сразу. Она смотрела в чашку, и Вера видела, как у неё дрогнули руки.

— Он спрашивает, — сказала Ника тихо. — Где ты. С кем ты. Что ты говоришь по телефону.

— И что ты ему отвечаешь?

— Что не знаю. — Ника подняла глаза. — Правда не знаю. Ты не говоришь.

Вера откинулась на спинку. В груди было тесно.

— Ника. Ты не должна мне врать. И не должна ему врать. Если он спрашивает — ты можешь сказать «спроси у мамы». Или «я не хочу говорить». Ты не обязана быть между нами.

— А если он рассердится?

— Пусть рассердится. — Вера сказала это твёрдо, и сама удивилась, как это прозвучало. — Ты ребёнок. Тебе не надо следить за его настроением.

Ника посмотрела на неё так, будто не поверила.

— Ты всегда так делаешь, — сказала она. — Следишь, чтобы он не расстроился.

— Я знаю. — Вера выдохнула. — И я не хочу, чтобы ты делала так же.

Они сидели в кафе, пока не стемнело. Ника рассказала про школу, про Костю, у которого папа присылает сообщения и которому Костя боится отвечать, чтобы мама не узнала. Вера слушала и понимала, что дети давно уже всё видят и понимают, а взрослые только делают вид, что что-то скрывают.

Потом Ника сказала:

— Мам. Я не хочу домой.

Вера посмотрела на неё.

— Почему?

— Не хочу, чтобы папа спрашивал, где мы были. И что ты сказала. — Ника смотрела на неё. — Он всё равно узнает.

Вера задумалась. У неё было два варианта: вернуть Нику

домой и сделать вид, что ничего не происходит. Или не возвращать.

— Мы можем остаться у Дины, — сказала она. — На одну ночь.

Ника кивнула.

— А завтра?

— Завтра будет завтра.

Вера достала телефон. На экране висело сообщение от Сергея: «Вы где?»

Она не ответила. Набрала Дину, объяснила в двух словах. Дина сказала: «Приезжайте. Костя обрадуется».

Вера положила трубку и посмотрела на дочь. Ника смотрела в окно. На щеке у неё были следы от слёз, которых Вера не заметила.

— Ника.

— М?

— Ты не обязана быть сильной. Если хочешь плакать — плачь.

Ника повернулась к ней.

— Я не хочу плакать, — сказала она. — Я хочу, чтобы всё было как раньше.

Вера хотела ответить, что как раньше уже не будет. Но она не смогла сказать ребёнку правду прямо. И вместо этого протянула руку и положила ладонь на плечо дочери.

Ника не отстранилась. Это было маленькое, почти незаметное чудо.

У Дины они пробыли до девяти. Костя сидел с ними за столом и не уходил, хотя обычно не выходил из своей комнаты. Он смотрел на Нику, и Вера видела, как он пытается понять, что с ней, и не знает, как спросить.

Потом Ника сказала: «Мама нашла своего отца, и он плохой человек». Просто так, как говорят о фактах.

Костя посмотрел на Веру.

— Он сидел? — спросил он.

— Сидел.

— За что?

— За то, что причинял людям боль.

Костя кивнул. Потом сказал:

— Мой папа тоже причиняет. Только его не посадили.

Дина в этот момент была на кухне, и Вера поняла, что он говорит это только ей. Как будто проверяет, можно ли.

— А ты рассказывал маме?

— Нет. — Костя смотрел на неё. — Она его ненавидит. Если я скажу, что он мне пишет, она расстроится.

— А ты хочешь ему отвечать?

Костя пожал плечами.

— Не знаю. Он спрашивает, как дела. Но я не знаю, что говорить.

Вера смотрела на подростка и думала о том, что Сергей когда-то тоже был ребёнком, которому пришлось выбирать между двумя взрослыми. И что, может быть, это не оправдание, но объяснение.

— Костя, — сказала она. — Ты не должен врать маме. Но ты не должен и рассказывать ей всё. Это твой папа. Это твои отношения. Если ты хочешь с ним говорить — говори. Но если он просит тебя врать маме, это уже не твоё.

Костя молчал. Потом кивнул.

— А Нике что делать?

— Нике? — Вера посмотрела на дочь, которая сидела рядом и слушала. — Нике не надо быть между родителями. Мы с папой разберёмся сами.

Ника подняла голову.

— Вы разведётесь?

Вера замерла.

— Я не знаю, Ника.

— Но ты ушла.

— Я ушла на одну ночь.

— Ты уйдёшь ещё.

Вера смотрела на неё и не могла соврать.

— Возможно, — сказала она. — Я не знаю, как будет. Но я знаю, что ты — моя дочь. И что я не исчезну.

Ника кивнула. Медленно, как будто проверяла, что фраза выдерживает вес.

Потом она встала.

— Я спать, — сказала она. — Дина, спасибо.

Дина вышла из кухни, вытирая руки о полотенце.

— Иди. Постелю на диване.

Когда Ника ушла, Дина села рядом с Верой.

— Он уже начал? — спросила она.

— Да. Он сказал ей, что я больна.

— Классика. — Дина налила себе чаю. — Он тебе ещё и в суде это скажет. Что ты подвергла ребёнка опасности, общалась с преступником, не поставила мужа в известность.

— Я не общалась с Марком.

— Он докажет, что ты не сообщила. — Дина посмотрела на неё. — Завтра в десять у Ким. Ты готова?

Вера посмотрела на диван, где уже спала Ника, свернувшись под пледом.

— Нет, — сказала она. — Но приду.

Глава 9. Эхо бабушки

Сообщение пришло в шесть утра, когда Вера спала на диване у Дины, укрывшись курткой вместо одеяла.

«Не ходи. Он знает про девочку».

Номер матери. Вера перечитала дважды, потом набрала. Гудки шли один за другим, длинные, ровные, и в конце — механический голос: «Абонент не отвечает».

Она села. На кухне уже гремела посудой Дина, Ника спала в соседней комнате, свернувшись под пледом. Вера прошла на кухню.

— Мать пишет, что он знает про Нику, — сказала она.

Дина поставила чайник.

— Откуда она знает, что он знает?

— Вот и я хочу спросить.

Она набрала ещё раз. Тот же результат. Потом написала: «Мама, ответь. Что значит “знает”?» — и положила телефон экраном вверх, чтобы видеть, если появится ответ.

Ответа не было.

В десять они с Ритой сидели в кабинете Натальи Ким. Кабинет был маленький, с двумя стульями и столом, на котором стоял компьютер и лежала папка. Ким оказалась моложе, чем Вера представляла: короткий хвост, строгая форма, внимательные глаза. Она выслушала, не перебивая, потом взяла телефон и прочитала сообщение Марка.

— «Я подожду», — повторила она. — Классика.

— Дина сказала то же самое.

— Дина у нас умная. — Ким отложила телефон. — Что ещё у вас есть?

Вера положила на стол распечатку с именем, фотографию из базы, скриншоты. Рита достала свои — переписку с Сергеем, фотографию с Мишей.

Ким смотрела долго. Потом подняла глаза на Риту.

— Вы готовы дать показания? Официально?

— Да. — Рита сказала это твёрдо. — Я не хочу, чтобы мой сын рос с этим.

— С чем именно?

— С человеком, который врёт всем. — Рита помолчала. — И с мыслью, что так и надо.

Ким кивнула и сделала пометку.

— По Радову, — сказала она, обращаясь к Вере. — Пока у нас есть сообщение, которое его адвокат назовёт «попыткой знакомства». Я могу зарегистрировать заявление. Могу направить запрос. Но запрет на приближение — это суд, и суд спросит: что он сделал?

— Он сидел за похищение.

— Отсидел. — Ким посмотрела на неё прямо. — Я не говорю, что он безопасен. Я говорю, что формально он чист. И ещё: он ваш биологический отец. Это не даёт ему прав на ребёнка, но даёт ему повод говорить «я хочу познакомиться с дочерью и внучкой». И некоторые судьи будут на его сто-

роне.

— Что мне делать?

— Фиксировать. Всё. Каждый звонок, каждое сообщение, каждое появление. — Ким закрыла папку. — И не оставаться одной. Если он подойдёт к школе — звоните сразу, не «поговорить», а звоните. У нас будет основание.

Вера кивнула. Она уже слышала это от Бориса Львовича, и повторение не сделало фразу приятнее.

— И ещё, — сказала Ким. — Ваш муж. Он знает про заявление?

— Нет.

— Он узнает. И, скорее всего, использует это в суде. — Она помолчала. — Если вы будете разводиться, вам нужен адвокат по семейным делам. Отдельный.

— У меня есть.

— Хорошо. — Ким встала. — Тогда начнём.

От Ким Вера вышла в половине двенадцатого. Рита пошла к метро, на ходу набирая номер садика. Вера села в машину и позвонила тёте Любе.

— Люба, это Вера. Мне нужно приехать.

— Приезжай, — сказала тётя Люба без удивления. — Я тебя ждала.

Дом тёти Любы был в старом районе, за рынком, где асфальт во дворе был в трещинах, а на лавочках сидели старухи и смотрели на всех, кто входил. Вера поднялась на второй этаж. Дверь была открыта заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.